Годъ шестидесятый. 8 апрѣля 1898 г.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

(ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ)

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на неоффиціальную часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей“ въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ доставкой и пересылкой въ другіе города: 4 р. за годъ и 2 р. 50 к. за полгода.

Подписка принимается: въ типографіи губернскаго правленія, у г. нижегородскаго полиціймейстера и у гг. уѣздныхъ исправниковъ.

За помѣщеніе частныхъ объявленій взимается: впереди текста 20 к., позади текста 10 к. со строки петита, въ одну колонку, за одинъ разъ. Въ розничной продажѣ за № неоф. части 10 к., а вмѣстѣ съ оффиц. частью 20 к.

№ 15.

Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными. Всѣ же прочія—оплачиваются соотвѣтствующимъ гонораромъ.

Статьи, признанныя неудобными для печатанія, не возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и измѣненію.

Личныя объясненія съ редакторомъ ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 10 до 12 ч. дня въ редакціи „Нижегор. Губ. Вѣд“., въ кремлѣ, въ зданіи губернской типографіи.

Нижній-Новгородъ, 5 апрѣля.

Христосъ воскресе!

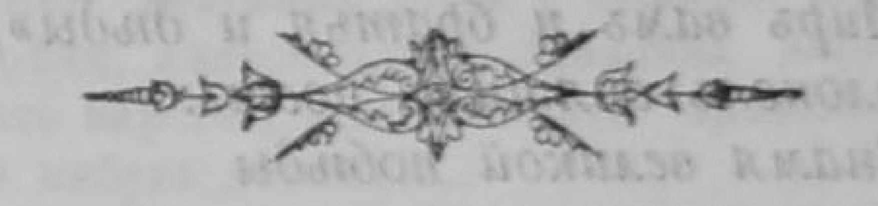
Воистину воскресе!

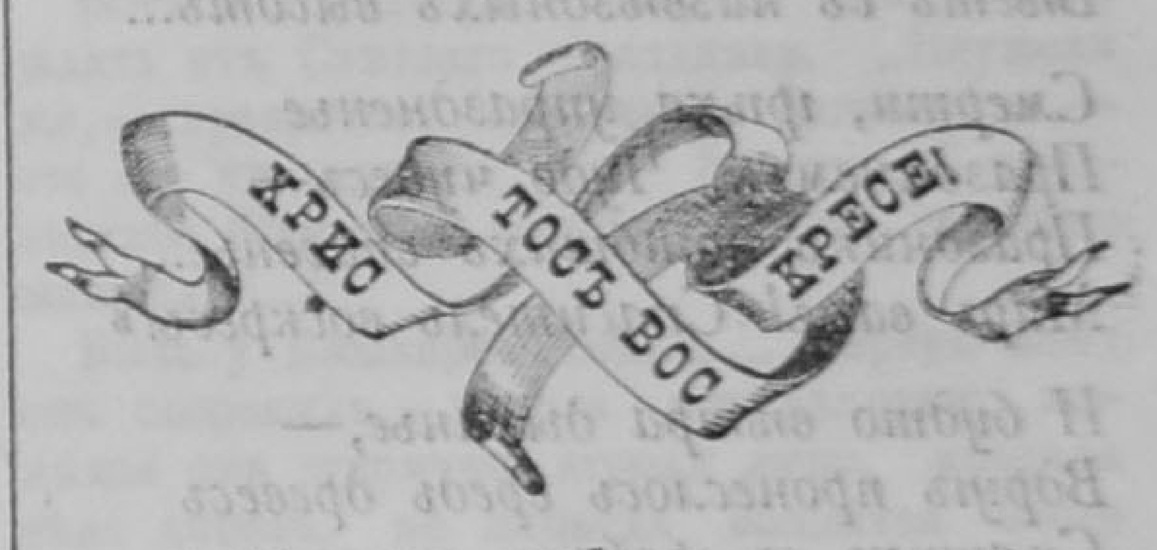
Вотъ какія радостныя привѣтствія раздаются нынѣ изъ края въ край родной земли и далеко за предѣлами ея между русскими людьми, исповѣдающими Христову вѣру!

Что можетъ быть умилительнѣе и трогательнѣе этихъ привѣтствій и тѣхъ лобзаній, какими они сопровождаются во имя любви и братства? Какое загрубѣлое сердце не смягчится при раздающихся нынѣ повсемѣстно во всѣхъ православныхъ храмахъ возгласахъ церкви: „другъ друга обымемъ и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ?“

Преклоняясь предъ величіемъ праздника любви и всепрощенія, проникнемся преподанными воскресшимъ нынѣ Искупителемъ міра обязанностями, возложенными на истинныхъ послѣдователей Его: вспомнимъ о нашихъ меньшихъ братьяхъ, изнывающихъ отъ тяжкихъ условій ихъ будничной обстановки; не забудемъ пребывающихъ доселѣ во тьмѣ невѣжества и суевѣрія обитателей глухихъ деревенскихъ угловъ, поможемъ имъ своими трудами, средствами и знаніями въ ихъ борьбѣ съ различными бѣдствіями, а главное не останемся безучастными въ возникающемъ въ средѣ ихъ стремленіи выйти изъ непроглядной тьмы къ свѣту.

Христосъ воскресе!

I.

Христосъ Воскресе!.. Грудью мѣдной
Гудятъ, поютъ колокола...
О, отрѣшись отъ жизни бѣдной,
Отъ тяготѣющаго зла!

Лети на крыльяхъ мысли смѣлой
Туда, гдѣ бездна звѣздъ горитъ,
Гдѣ нѣтъ границы, нѣтъ предѣла,
Гдѣ тайна вѣчная царитъ...

О, бѣдный сынъ юдоли тлѣнья,
На мигъ воскресни хоть душой,
Какъ Бога свѣтовъ отраженье,
Съ себя стряхая прахъ земной!

О, вѣрь всѣмъ сердцемъ въ Воскресенье
Любви и Истины святой!..
Часъ близокъ міра обновленья...
О, не смущайся-же душой!

Пусть въ тьмѣ грѣховной, точно змѣи,
Клубкомъ свиваяся, шипятъ
Съ нескрытой злобой фарисеи
И пламя истины гасятъ...

И пусть Іуды цѣлованьемъ
Христа на муки предаютъ,
И пусть безумье съ ликованьемъ
Надъ Правдой свой свершаетъ судъ.

Цѣпка грѣха пусть паутина,
Пускай всесильна суета,
Но ты, какъ древле Магдалина,
Встрѣчай Воскресшаго Христа!

II.

Плаваютъ звуки и таютъ...
Куполъ сверкаетъ небесъ,
Рѣчка въ овражкѣ играетъ,
Дымкой туманится лѣсъ...

Любо на вольномъ просторѣ!
Гулъ оглашаетъ село...
Съ сердца скатилося горе,
Снова на сердцѣ свѣтло...

Праздниковъ праздникъ встрѣчая,
Веселъ крещеный народъ...
Звонкій трезвонъ, не смолкая,
Въ воздухѣ вешнемъ плыветъ.

За колокольней убогой,
Тамъ, гдѣ бревенчатый мостъ
Сходится съ узкой дорогой,
Есть деревенскій погостъ.

Тамъ, среди вербъ наклоненныхъ,
Много могильныхъ крестовъ,
Въ нѣдрахъ земли погребенныхъ
Много тамъ отчихъ гробовъ.

«Миръ вамъ и братья и дѣды»,—
Колоколъ спящимъ поетъ:
«Знамя великой побѣды
Вѣетъ съ назвѣздныхъ высотъ...

Смерти, грѣха упраздненье
Празднуемъ... Чудо чудесъ—
Праздникъ погибшихъ спасенье...
Миръ вамъ! Спаситель воскресъ!»

И будто вѣтра дыханье,—
Вдругъ пронеслось средь древесъ
Спящихъ въ гробахъ ликованье:
«Воистину, братья, вовкресъ!»

М.

ПИТОМЕЦЪ.

(Пасхальный разсказъ).

Больничная палата № 6. Обстановка обычная: блестящіе полы, грязное бѣлье, желтые халаты, тюфяки неопредѣленнаго цвѣта и качества, подушки, видомъ своимъ напоминающія грандіозный гречневый блинъ, рядъ желѣзныхъ коекъ, вытянувшихся въ правильную шеренгу, больные съ страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ, стонъ, безумный бредъ..... А вонъ въ дальнемъ углу койка, огороженная ширмами: тамъ навѣрное приговоренный къ смерти, а можетъ быть и трупъ въ ожиданіи доктора, который констатируетъ смерть, а покойный пріобрѣтетъ право совершить невѣдомый путь..... Имя и званіе, написанное мѣломъ на черной доскѣ исчезнетъ, въ скорбномъ листѣ въ соотвѣтствующей графѣ сдѣлаютъ отмѣтку: умеръ тогда-то и..... нѣтъ человѣка, а на больничной койкѣ появится новый кандидатъ.

Въ палатѣ удушливый специфическій воздухъ или вѣрнѣе —отсутствіе воздуха.

На одной изъ коекъ лежалъ Ванька Жукъ— молодой человѣкъ съ правильными очертаніями лица, на которомъ точно застыло страдальческое выраженіе, съ большими темно-синими глазами; онъ долго и неподвижно смотрѣлъ въ одну точку.

Изъ груди больного вырвался тяжелый вздохъ и все его тѣло судорожно передернулось.

Ванька Жукъ силился поднять голову, что ему стоило невѣроятныхъ трудовъ, и медленно обвелъ палату своими воспаленными глазами.....

Онъ снова закрылъ глаза и въ эти минуты въ его головѣ съ поразительной ясностью воскресло прошлое..... Ванька Жукъ даже сознавалъ, что лучше бы не вспоминать это ужасное прошлое, но оно помимо воли вставало передъ нимъ, вставало въ строгой послѣдовательности. Боже мой, что это было за прошлое!

Ванька Жукъ началъ помнить себя давно, съ тѣхъ поръ, когда онъ жилъ въ одной изъ подмосковскихъ деревень, въ крестьянской семьѣ, состоявшей изъ дяди Григорія и тетки Анны; эта семья, какъ ему послѣ говорили, взяла его годовымъ ребенкомъ изъ воспитательнаго дома.

Въ деревнѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Ваньки, а больше—просто „питомца“.

Бывало кто нибудь спроситъ:

— Чей это?

— Питомецъ.....

Питомцы и питомки сотнями живутъ въ деревняхъ, особенно ихъ много въ московской губ.

„Питомецъ“—это въ переводѣ—незаконнорожденный—аттестатъ, открывающій ребенку самыя мрачныя жизненныя перспективы. Съ этимъ аттестатомъ питомецъ или питомка вступаютъ на путь, который, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, приводитъ къ роковому распутью.....

Такихъ дѣтей охотно берутъ особенно бездѣтныя крестьянскія семьи, гдѣ регулярное полученіе 3 руб. въ мѣсяцъ, отпускаемыхъ изъ казны, представляетъ существенное подспорье въ жизни бѣднаго крестьянина. Кромѣ того—кому какое счастье Богъ пошлетъ вмѣстѣ съ питомцемъ,—иной разъ мужику точно съ неба свалится это счастье. Вдругъ нежданно въ деревню явится къ питомцу какой нибудь важный баринъ, барыня, богатый купецъ,—какъ они приходятся питомцу—отецъ, мать или сродственникъ— Богъ ихъ вѣдаетъ,—и денегъ и всякихъ подарковъ отвалитъ уйму, только, значитъ, чтобы ребеночка похранигъ хорошенько. Бывали случаи, что мужику ставили новую избу.....

Но бываютъ рѣдкіе случаи, когда питомцы сродняются съ семьей, воспитавшей ихъ, дѣлаются хорошими работниками, и навсегда—оффиціально приписываются къ этой семьѣ—усыновляются.

Въ большинствѣ же случаевъ—они безслѣдно исчезаютъ или на ихъ долю выпадаетъ судьба, постигшая нашего героя.

И, такъ, Ванька Жукъ былъ питомецъ, оффиціально—Иванъ Жуковъ, неоффиціально—Ванька, а „Жукъ“,—такъ его звали уже въ описываемое время.

Ванька Жукъ видимо былъ заброшенъ, затерянъ..... Дядя Григорій совсѣмъ потерялъ надежду не только выстроить насчетъ Ваньки новую избу, но даже купить старую корову, которую онъ собирался купить два года тому назадъ.

Правда, разъ какъ-то случилось,—тогда Ванькѣ было года три,—пріѣхала въ деревню какая-то ни то барыня, ни то барышня; она выглядывала „краше, чѣмъ въ гробъ кладутъ“. Рыдая надъ Ванькой и, лаская его, какъ родная мать, она долго убивалась..... Прощаясь, она умоляла, чтобы мальчикъ никогда не покидалъ образка—складня, который прислалъ ему кто-то, говорила, что этотъ образокъ рано-ли, поздно-ли, но принесетъ ему счастье....

Дядя Григорій и тетка Анна, не имѣвшіе своихъ дѣтей, надѣялись, что изъ Ваньки современемъ выйдетъ „поилецъ и кормилецъ“, но, по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже, изъ него не вышло никакого кормильца.

До 10 лѣтъ Ванька Жукъ не выходилъ изъ роли крестьянскаго мальчика, исполняя всѣ обязанности работника, насколько ему позволяли его возрастъ, силы и.... страсть.

Да, у Ваньки Жука явилась необыкновенная страсть къ ученію. Бѣгая къ учителю, въ училище, онъ доставалъ книжки, тайкомъ читалъ гдѣ нибудь на задворкахъ, тщательно скрывая свою страсть, ибо дядя Григорій жестоко преслѣдовалъ его за увлеченіе, видя въ немъ нѣчто преступное.

— Такъ ты такъ-то работаешь, такой-сякой,—кричалъ Григорій, поймавъ Ваньку съ книжкой,—ученымъ захотѣлъ быть? Барская кровь взыграла?... Я-жъ тебѣ покажу!...

И Григорій показывалъ: онъ дѣлалъ не совсѣмъ деликатное родительское внушеніе, послѣ котораго на тѣлѣ Ваньки оставались сине-багровыя полосы.

Но результатъ внушеній получился совершенно неожиданный: чѣмъ чаще Григорій совершалъ внушенія, тѣмъ страстнѣе Ванька относился къ ученію.

— Совсѣмъ, окаянный, отбивается отъ рукъ,—говорилъ дядя Григорій.

А между тѣмъ Ванька дѣлалъ необыкновенные успѣхи: онъ прекрасно умѣлъ читать и писать, онъ съ страстной жаждой поглощалъ всѣ книжки, которыя ему удавалось достать въ большинствѣ случаевъ—контрабанднымъ путемъ. Но случилось, что однажды Григорій сдѣлалъ ему такое внушеніе, что Ванька совсѣмъ слегъ.

Узнавши объ этомъ, учитель и священникъ пригрозили Григорію, что онъ понесетъ серьезную кару, если будетъ истязать мальчика. Не смотря на все это, Григорій съ женой отнеслись къ Ванькѣ совсѣмъ безъучастно, даже тогда, когда онъ валялся на полу подъ лавкой истерзанный, безпомощный страдающій.....

„За что онъ мучаетъ меня? десятки разъ спрашивалъ себя Ванька Жукъ,—Господи.... хоть бы умереть.... *тамъ* навѣрное не будутъ меня такъ тиранить....“

Но Ванька не умеръ. Спустя нѣсколько дней, онъ „отлежался“ и снова принялся за науку. Григорій опять собирался сдѣлать внушеніе, но Ванькѣ на этотъ разъ удалось вырваться и убѣжать, а ночью онъ явился, поджогъ избу и совсѣмъ исчезъ изъ деревни, гдѣ провелъ свое дѣтство.

Долго Ванька скитался гдѣ день, гдѣ ночь, наконецъ попалъ въ Москву. Тутъ начался цѣлый рядъ новыхъ испытаній....

Ванька Жукъ попалъ въ живописную мастерскую; тутъ сначала ему судьба какъ будто улыбнулась: онъ полюбилъ это искусство и отдался ему всей душой. Но вѣчно пьяная жизнь подмастерьевъ, и даже учениковъ пришлась ему не по сердцу: онъ питалъ какой-то болѣзненный страхъ къ пьянымъ и отвращеніе къ вину. На него постоянно сыпались градомъ насмѣшки, брань, щелчки и побои.....

Истязанія въ одно прекрасное время кончились тѣмъ, что въ порывѣ иступленія Ванька пустилъ своему мучителю камнемъ въ глазъ.... Послѣдній навсегда потерялъ глазъ, а Ванька сдѣлался преступникомъ.....

Ваньку осудили на трехлѣтнее пребываніе въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ.

По выходѣ изъ колоніи началась обыкновенная скорбная исторія—поиски куска хлѣба,—исторію, которую мы не станемъ описывать, а ограничимся слѣдующимъ: Ванька Жукъ былъ факельщикомъ, половымъ, буфетчикомъ, матросомъ, актеромъ, побывалъ нѣсколько разъ въ ночлежныхъ домахъ, гдѣ и получилъ кличку „Жукъ“, въ больницахъ, гдѣ несмотря на страстное желаніе умереть, несмотря на прекрасныя къ тому условія,—оставался жить, чтобы страдать...

Такъ текла скитальческая, полная тяжелыхъ испытаній, жизнь Ваньки Жука.

Сколько разъ онъ, припоминая свое прошлое, старался найти причину своихъ житейскихъ невзгодъ,—почему къ нему такъ жестоко относились люди, такъ безпощадно преслѣдовала судьба,—онъ не находилъ причинъ.... Онъ видѣлъ только единственный источникъ своихъ бѣдъ въ своемъ происхожденіи-питомецъ, незаконнорожденный,—это страшное клеймо, которое прошло красной нитью во всей его страдальческой жизни....

И чѣмъ больше страдалъ Ванька Жукъ, тѣмъ больше озлоблялся на тѣхъ, кто далъ ему жизнь, озлоблялся на окружающихъ людей, на весь Божій міръ.....

Наконецъ Ванька Жукъ снова очутился въ больницѣ; изнуреннаго болѣзнью, холодомъ и голодомъ его подобрали на улицѣ.

И вотъ теперь, лежа на больничнойкойкѣ, вспоминая свое горькое прошлое, передъ нимъ всталъ съ какой-то необыкновенной силой вопросъ: а что будетъ, если онъ, Ванька Жукъ, паче чаянія, не умретъ? Что же дальше будетъ? Борьба за существованіе?.... Онъ прекрасно зналъ по опыту, что это за борьба и не менѣе прекрасно сознавалъ, что онъ совершенно не имѣетъ силъ продолжать эту борьбу. Мысль о самоубійствѣ неоднократно приходила ему въ голову, но этотъ способъ покончить съ своей жизнью онъ находилъ противнымъ своимъ религіознымъ взглядамъ, а вовторыхъ—все равно—у него не хватило бы силъ, чтобы покончить съ собой.

Наконецъ онъ вдругъ сдѣлалъ необыкновенное открытіе: онъ, Ванька Жукъ, умретъ голодной смертью.....

— Одинъ разъ, другой разъ не дали умереть, а теперь дадутъ, чего добраго, а съ голоду дадутъ умереть.....

И Ванька Жукъ, остановившись на этой мысли, успокоился и даже началъ прощаться съ „вольнымъ свѣтомъ“, который былъ для него вѣчной тьмой.

Однако, Ванька Жукъ и на этотъ разъ не умеръ.... Онъ настолько выздоровѣлъ, что его нашли возможнымъ выписать изъ больницы.

Вышелъ онъ на улицу, въ своемъ рваномъ пальтишкѣ, въ опоркахъ, покачнулся въ одну, другую сторону, но на ногахъ удержался, и тихо побрѣлъ безцѣльно, не разбирая въ какую сторону и по какой улицѣ онъ идетъ.

Была страстная пятница. Раздался ударъ колокола въ ближней церкви. Ванька Жукъ набожно перекрестился и ускорилъ шаги, насколько позволяли ему его слабыя силы, ему хотѣлось скорѣе выбраться изъ городскихъ улицъ.

Ванька скоро очутился въ полѣ.

Снѣгъ давно сошелъ; въ воздухѣ пахло весной; солнышко привѣтливо и ярко свѣтило. Поле покрылось зеленой травой; птичка кружилась въ воздухѣ, распѣвая свою радостную пѣсню.

Ванька вздохнулъ легко полной грудью и въ эту минуту міръ Божій показался ему такимъ добрымъ, хорошимъ, не было въ немъ ни злобы людской, ни лжи.....

Согрѣтый весеннимъ солнышкомъ, Ванька отдохнулъ въ полѣ, досталъ изъ узелка съѣстное, что ему дали сердобольные сторожа и больные, поѣлъ съ охотой и направился къ кирпичнымъ сараямъ, гдѣ надѣялся найти временный пріютъ . . . .

. . . .

Великая Суббота—кавунъ Свѣтлаго Праздника. Городская сутолока затихла,—какъ будто самая жизнь замерла передъ торжественной минутой, когда раздастся первый ударъ колокола, возвѣщающій міру о Воскресеніи Того, Кто „Своей Божественной Кровью искупилъ человѣческій родъ“.

Было десять часовъ ночи. Въ ночномъ воздухѣ, напитанномъ специфическимъ запахомъ весны, было тихо; на безоблачномъ небѣ ярко горѣли звѣзды, что предвѣщало чудный весенній день! Улицы города Вышнянска были пустынны и безмолвны; тишина нарушалась только трещоткой караульщика, грохотомъ промчавшагося экипажа, да глухими звуками шаговъ какого нибудь обывателя, торопливо направляющагося въ храмъ или къ своему очагу.

Во всѣхъ домахъ, обитаемыхъ православнымъ людомъ, начиная съ палатъ богача и кончая убогой хижиной бѣдняка, свѣтился яркій огонь; тамъ шли спѣшныя „послѣднія“ приготовленія къ празднику и сборы къ заутрени.

Бель-этажъ громаднаго зданія на Грузинской улицѣ, принадлежащаго Кошкареву былъ также ярко освѣщенъ, хотя такой блестящій свѣтъ и торжественныя минуты, предшествующія наступленію великаго праздника, совсѣмъ не гармонировали съ жизнью, царствующей подъ кровлею кошкаревскаго палаццо.

Собственно въ этомъ домѣ не было никакой жизни. Длинный рядъ комнатъ съ ярко блестящими паркетными полами, обставленныя вычурной дорогой мебелью, были пусты и безмолвны; какимъ-то мертвящимъ холодомъ вѣяло отъ этихъ обширныхъ безжизненныхъ покоевъ съ ихъ дорогимъ нарядомъ. Только въ буфетѣ и двухсвѣтной столовой замѣчалось присутствіе жизни: тутъ готовился столъ къ параднымъ розговѣньямъ, на которыя хозяиномъ были приглашены друзья и нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, преимущественно холостяковъ. Тутъ слышался звонъ посуды, передвиганье стульевъ, и легкая перебранка прислуги. Въ столовой, несмотря на усердное прысканье о-де-колона, уже слышался запахъ разныхъ снѣдей, съ которыми то-и-дѣло появлялась бѣлая фигура съ бѣлымъ фартукомъ, въ бѣломъ колпакѣ, словомъ—вся бѣлая, за исключеніемъ рукъ и головы.

Въ кабинетѣ, устланномъ дорогими коврами, съ обстановкой, доступной богачу и носившей на себѣ всѣ признаки художественнаго вкуса, передъ каминомъ, сидѣлъ самъ владѣтель—Иванъ Игнатьевичъ Кошкаревъ. Это былъ мужчина лѣтъ 50-ти, съ гладко обстриженными волосами на головѣ, съ замѣтно сѣдыми усами; испитое, или, какъ говорятъ—изношенное лицо его носило печать пережитыхъ бурь, гдѣ женщины, карты и вино играютъ первенствующую роль.

А прошлое Кошкарева дѣйствительно было бурное. Онъ,—подполковникъ въ отставкѣ,—въ своей жизни нѣсколько разъ былъ богатъ, былъ нищимъ, а потомъ снова подымался точно изъ пепла. Лѣтъ 15 передъ описываемыми событіями онъ покинулъ службу „по непріятностямъ“ и занялся коммерческими предпріятіями; онъ уже успѣлъ за это короткое время нѣсколько разъ прогорать, но вдругъ..... ему посчастливилось и въ продолженіи 4-хъ лѣтъ онъ снова пріобрѣлъ богатство. Правда, пути къ богатству были далеко не „праведны“, но..... порочные люди, люди нравственно испорченные, къ какимъ принадлежалъ Кошкаревъ, не разбираютъ средствъ въ погонѣ за богатствомъ.

Кошкаревъ долго сидѣлъ передъ потухающимъ каминомъ; сначала его мысли были игриво настроены въ ожиданіи многочисленнаго общества и шумнаго веселья, которое проектировалось въ первый же день Пасхи, а потомъ разомъ лицо его приняло суровое выраженіе, между бровями легла глубокая морщина.... Онъ нервно бросилъ въ каминъ недокуренную сигару и вслухъ произнесъ:

— Это чертъ знаетъ что такое!...

Скверное, непривычное чувство переживалъ онъ въ эти минуты: вспоминалось ему далекое дѣтство, какъ ребенкомъ встрѣчалъ онъ Свѣтлый праздникъ,—а потомъ юношей, когда онъ пріѣзжалъ на праздники домой,—съ какимъ восторженнымъ чувствомъ онъ ожидалъ перваго благовѣста....

А теперь?.....

Холодъ, мракъ,—на душѣ—тоже холодно, мрачно; кругомъ—пусто, не услышитъ онъ ободряющаго слова, привѣтливой улыбки, теплаго, сердечнаго участія,—и не будетъ у него *душевнаго* праздника!.... Вотъ соберется праздная и падкая до дорового угощенія толпа, зазвенятъ рюмки, стаканы, польются „безумныя рѣчи“, пошлыя, циничныя рѣчи, явится давно знакомая картина пьянаго царства, можетъ быть произойдетъ какой нибудь дебошъ!...

Вотъ всѣ радости, которыя онъ можетъ ждать отъ Свѣтлаго праздника. „Неужели же,—спрашивалъ самъ себя Кошкаревъ,—это все что можетъ дать богатство, ненавистное богатство, котораго я такъ страстно жаждалъ?....“

Была у Кошкарева семья..... Первую жену онъ схоронилъ,—умерла отъ чахотки; женился онъ вторично, вторая жена, кроткая какъ ангелъ, не вынесла общества этого сухого, безсердечнаго человѣка, какимъ Кошкаревъ былъ въ дѣйствительности, и сбѣжала вмѣстѣ съ 3-хъ лѣтней дочкой. И остался онъ одинъ съ своимъ богатствомъ, одинъ среди многочисленнаго и бездушнаго общества.... друзей-пріятелей.

Скверное, подлое чувство овладѣвало Кошкаревымъ.

А тутъ еще, какъ нарочно, назойливыя, непрошеныя думы лѣзли въ голову: вспоминались ему жертвы.... много загубленныхъ жертвъ—дѣвушки, женщины, брошенныя на произволъ судьбы дѣти.... Боже мой, сколько

слезъ, горькихъ слезъ пролито,—и онъ спокойно, безъучастно проходилъ мимо загубленныхъ жертвъ, бросалъ ихъ и, какъ хищный звѣрь, намѣчалъ новыя жертвы.....

Вспомнился ему одинъ такой случай.....

Кошкаревъ вскочилъ, какъ ужаленный съ широко раскрытыми глазами и схватился руками за голову.

Что это такое?... раскаяніе?... Совѣсть проснулась?....

Въ кабинетѣ раздался громкій, злобный смѣхъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но въ эту минуту его вниманіе привлекъ необыкновенный шумъ, раздавшійся на дворѣ. Сначала онъ думалъ, что пожаръ, но потомъ крики стали явственнѣе: „держи его! полицію! вяжи! Бей его! Беги къ барину!....“

— Черезъ минуту вошелъ лакей и доложилъ, что на дворѣ поймали жулика, но жуликъ оказался какимъ-то несуразнымъ,—ни то сумашедшій, ни то больной.

— Совсѣмъ ни въ своемъ видѣ,— докладывалъ лакей.

Онъ Христа-ради просилъ ѣсть, а ежели, говоритъ, не накормите, то я, если не умру у вашего крыльца, то убью вашего барина, безпремѣнно убью, всю ночь, говоритъ буду караулить, и убью....

Кашкаревъ дальше не слушалъ и сердито крикнулъ, приказавъ привести жулика въ переднюю. Спустя нѣсколько минутъ въ сопровожденіи цѣлаго штата дворовой челяди предсталъ передъ грозныя кошкаревскіе очи.... Ванька Жукъ.

Да, это былъ никто иной, какъ Ванька Жукъ.

Какъ видитъ читатель, потерявъ всякую способность къ борьбѣ за свое существованіе, онъ, однако, не въ силахъ былъ дожидаться той минуты, пока умретъ голодной смертью: мученія голода слишкомъ велики и слишкомъ тяжелы....

Ванька Жукъ стоялъ оборванный, растерзанный съ окровавленнымъ лицомъ; отъ изнеможенія онъ навѣрное упалъ бы, если бы его не держали людскія руки.

Кошкаревъ, сдѣлавъ брезгливую гримасу, гнѣвно спросилъ, обращаясь къ Ванькѣ:

— Ты хотѣлъ меня убить?

— Да, я,—отвѣтилъ глухимъ голосомъ Ванька Жукъ,—я хотѣлъ убить за то, что для меня здѣсь умирающаго отъ голода, не нашлось у васъ куска хлѣба, который я просилъ именемъ Бога.... Но нашлось вотъ это звѣрье, которое варварски поступило со мной.... Это православный людъ, который ждетъ съ минуты на минуту Спасителя, освободившаго міръ.....

— Нѣтъ, я убью, убью!.... или умоляю—велите этимъ.... добить меня.....

— Отдайте, отдайте мнѣ мою дорогую святыню!.... вдругъ закричалъ онъ надрывающимся голосомъ,—отдайте..... они..... крестъ....

Ванька безпомощно опустилъ голову и истерически зарыдалъ.

— О какомъ крестѣ онъ говоритъ?... спросилъ Кошкаревъ, обращаясь къ своей челяди.

— Это, сударь, точно..... растерянно говорилъ дворникъ, подавая барину золотой образокъ—складень,—мы отобрали у него, потому—драгоцѣнность, можно сказать, навѣрное укралъ......

Кошкаревъ посмотрѣлъ на крестъ и его взглядъ точно замеръ...... Онъ долго неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ съ широко раскрытыми глазами; мертвенная блѣдность покрывала его лицо. Онъ перевелъ взглядъ на Ваньку .....

Нѣсколько минутъ длилось тяжелое молчаніе,—точно столбнякъ нашелъ на всѣхъ; слышалось только судорожное всхлипываніе Ваньки.....

— Уйдите отсюда! уйдите!!.... вдругъ закричалъ Кошкаревъ такимъ голосомъ, который никто не узналъ,—звѣрье, уйдите!... оставьте его здѣсь..... онъ здѣсь останется....

„Звѣрье“ въ крайнемъ смущеніи поспѣшно направилось къ двери.

Въ пріемной остались Ванька Жукъ и Кошкаревъ.

Отецъ и сынъ долго стояли другъ передъ другомъ, потомъ . . . .
. . . .

На этомъ мы оканчиваемъ свой разсказъ. Что произошло дальше, читатель легко можетъ догадаться, перечувствовать своимъ чуткимъ, добрымъ сердцемъ.....

Въ заключеніе скажемъ, что въ Кошкаревѣ первый разъ въ жизни проснулось чувство человѣка—отца, первый разъ онъ переживалъ истинное счастье и можетъ быть первый разъ онъ, услышавъ благовѣстъ, возвѣщающій міру о Великомъ Воскресеніи, позналъ Бога и переживалъ свѣтлое радостное чувство, котораго прежде не вѣдалъ.....

Ванька Жукъ въ продолженіи 22-лѣтняго существованія первый разъ праздновалъ Свѣтлый праздникъ и долго думалось ему, многострадальному, что онъ видитъ чудный сонъ....

Гр.

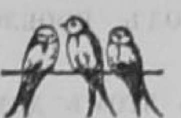

Молю Тебя, Господь вселенной,
Пролей мнѣ въ сердце миръ, покой,
Чтобъ мнѣ, съ душою умиленной,
Припасть къ Тебѣ, Спаситель Мой!
Ты днесь, въ Божественномъ сіяньи,
Свое величие явилъ!..
Ты Мироносицамъ рыданья
Въ веселье, въ радость претворилъ!..

* * *

Прими, Воскресшій Искупитель,
Души смиренной фиміамъ!...
О, дай услышать ей, Спаситель,
Глаголъ Твой сладостный: „Миръ вамъ!“
Чтобъ мнѣ, душою обновленной
Благословеніемъ съ Небесъ,—
Воскликнуть въ сердцѣ примиренномъ:
„Воистину Христосъ Воскресъ!“

Сфинксъ.

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

(Изъ воспоминаній).

Ахъ, до чего тоскливо, до чего тяжело было мнѣ въ эту тихую, святую ночь!...

Я только что выздоравливалъ. Лежа на жесткомъ тюфякѣ больничной койки, подъ сѣрымъ грубымъ одѣяломъ, я чутко прислушивался къ ликующему перезвону колоколовъ и.... плакалъ. Да, плакалъ! Плакалъ я тайкомъ, боязливо, точно опасаясь, чтобы кто нибудь не подсмотрѣлъ мои слезы. Это были тяжелыя, горькія слезы; медленно выкатывались они капля за каплей изъ глазъ; онѣ не облегчили душу, а жгли, томили меня и будто расплавленный свинецъ катились онѣ по моимъ щекамъ...

О, какая злоба томила меня, какое ожесточеніе сковывало сердце!... Весь міръ я ненавидѣлъ. Мнѣ казалось страшнѣйшей несправедливостью, что вотъ я бездомный, всѣми покинутый, забытый валяюсь точно уличная собаченка на больничной койкѣ, никому не нужный, и никто-то, никто не пожалѣетъ меня, никто не вспомнитъ обо мнѣ...

Какъ мнѣ хотѣлось умереть въ эту минуту. Что же? Пускай мракъ вѣчный, холодный мракъ... Что же? развѣ жизнь не такая-же тьма, не такой-же могильный холодъ? Да и кому нужна она, моя горькая жизнь? Никому... Разумѣется никому, когда она и самому-то мнѣ въ тягость, эта искалѣченная, разбитая жизнь!

Что-же? злорадно подразнивалъ я себя: хорошъ итогъ твоей прожитой жизни, безпокойный, сумасбродный человѣкъ? А?

Что-же ты злобствуешь, а не ликовствуешь, ты, который кипѣлъ, горѣлъ, волновался, страдалъ, стараясь воплотить правду въ жизни? О, пигмей, пигмей!... Зачѣмъ были твои усилія борьбы? Ты изломалъ, исковеркалъ свою жизнь, растерялъ здоровье, силы въ сумасбродной борьбѣ. Зачѣмъ? Къ чему? Чего ты добился, чего достигъ? Жизнь, смѣясь, толкнула тебя и какъ карточные домики распались твои замыслы, мечты, а самъ ты, жалкій нищій, валяешься на соломенномъ тюфякѣ въ больницѣ чернорабочихъ... И за дѣло тебѣ. Не шути съ жизнью, покоряйся ей, какъ другіе покоряются, а ты, ничтожный пигмей, вздумалъ бороться съ жизнью, ломать ее по своему, хотѣлъ ложкою да еще и ложкой-то дырявою вычерпать цѣлое море... Недаромъ всѣ бросили тебя. Кому ты нуженъ? Всякій надъ тобой-же посмѣется. Ну и молчи. Молчи и околѣвай здѣсь въ страдной палатѣ. Зачѣмъ тебѣ жить? Ты всѣмъ, всѣмъ чужой. Нечего тебѣ и ждать. Впереди для тебя ничего нѣтъ утѣшительнаго. Развѣ ты не понимаешь, что ты совсѣмъ лишній на жизненномъ пиру. Нѣтъ тебѣ тамъ доли, нѣтъ и мѣста. Предоставь это другимъ, болѣе счастливымъ, болѣе податливымъ. Это ихъ часть, ихъ доля. Не для тебя этотъ ликующій звонъ, эта радость, этотъ праздникъ... Молчи и околѣвай!...

Со злобою смотрѣлъ я на опротивѣвшія мнѣ бѣлыя стѣны больничной палаты, на широкія окна, на ряды покрытыхъ сѣрыми одѣялами коекъ. Кое-гдѣ стоны раздавались. Просыпались больные. Съ ненавистью провожалъ я глазами сидѣлокъ, сновавшихъ между койками, фельдшеровъ, разносившихъ лѣкарства. Мнѣ противно было видѣть ихъ довольныя, веселыя лица, подмѣчать улыбки на ихъ губахъ, слышать ихъ разговоръ. Противно было мнѣ смотрѣть и на своихъ сосѣдей изможденныхъ, худыхъ, желтыхъ, лежавшихъ подъ сѣрыми одѣялами... Даже стоны ихъ мнѣ были противны.

— Голубчикъ, а голубчикъ!... родной,—вдругъ донесся до меня шелестящій шепотъ съ правой стороны. Я вскинулъ глазами. На сосѣдней койкѣ, повернувшись ко мнѣ, полулежалъ сухощавый парень, еще молодой, безбородый. Голубыми кроткими глазами онъ пристально смотрѣлъ на меня и тихо улыбался ласково и сердечно. Я поспѣшно утеръ слезы. Мнѣ было ужасно непріятно, что этотъ парень подсмотрѣлъ ихъ. Злость во мнѣ поднялась и я грубо отвернулся отъ него. Что ему надо? Околѣвалъ-бы себѣ молча, какъ и я, а онъ съ разговорами лѣзетъ. Я зналъ отъ фельдшера, что не сегодня, такъ завтра этого парня въ мертвецкую сволокутъ, а онъ туда-же въ разговоры пускается...

— Родной, а родной... Оборотись ко мнѣ,—снова зашепталъ съ усиліемъ парень и

столько было нѣжности и ласки въ его словахъ, что я какъ-то невольно обернулся къ сосѣду.

— Голубчикъ, Христосъ воскресе... Извини, что подняться-то не могу,—съ дѣтской улыбкой шепталъ мнѣ парень: вотъ тутъ у меня яичко красненькое подъ подушкой... Мать изъ деревни принесла... Возьми его, родной! И больной исхудалою рукою началъ шарить подъ изголовьемъ. Сначала я хотѣлъ отказаться, но въ глазахъ парня столько было молчаливой мольбы, что я съ усиліемъ поднялся и взялъ яйцо. Яйцо было плохо выкрашенное луковичной шелухой, желтенькое, съ подтеками окраски.

— Матушка принесла,—залепеталъ съ улыбкой больной: изъ деревни приходила... Эхъ, въ деревнѣ-то теперича какъ весело да радостно,—замѣтилъ онъ и смолкъ.

— Мнѣ, родной, больно жалко тебя... Всю-то ночь я на тебя проглядѣлъ... Вижу—плачетъ. . Тошно, думаю, человѣку,—снова заговорилъ онъ: А ты, родной, не очень тужи. Какъ жизнь не прошла,—все ладно. Все одно помирать надо...

Не столько его слова, сколько ласковый звукъ умиротворяюще дѣйствовалъ на меня: злоба осѣла, тихая грусть овладѣла мной.

— Вотъ я скоро помру,—слышался шепотъ парня: Конечно, жалко... Да знать воля Божья на то... Матушку жаль. Убиваться будетъ. Бѣдность насъ одолѣла. Думалъ въ городѣ промыслить кой-что работишкой, а вотъ... а вотъ помирать приходится...

Смолкъ утомленный больной, забылся. А я все глядѣлъ на желтенькое яичко, и снова во мнѣ воскресала бодрость, и снова готовъ я былъ на тяжелую борьбу съ торжествующимъ зломъ.

М.

„ПРИМИРЕНІЕ“.

(Картинка съ натуры).

На отдаленной окраинѣ Москвы, въ глухомъ переулкѣ, одномъ изъ тѣхъ „тупичковъ“, которыми такъ изобилуетъ наша первопрестольная столица, ютился маленькій деревянный флигелекъ, занимаемый многочисленнымъ семействомъ портного, котораго назначеніе было создавать и обновлять скудныя одѣянія всѣхъ, окружавшихъ его, такихъ же, какъ и онъ, сосѣдей-бѣдняковъ. Хотя глава семьи, вопреки традиціонной поговорки, перешедшей преемственно отъ профессіи сапожника и къ другимъ ремесленникамъ, „хмѣльного въ ротъ не бралъ“ и работалъ съ женой и старшимъ сыномъ, что называется „не покладая рукъ“, но, не смотря на это—нужда часто заглядывала въ тусклыя окна флигелька. Эта же нужда заставила сдать въ наймы лучшую комнату, такъ называемую „чистую половину“, отдѣленную отъ остального помѣщенія холодными сѣнями,—благо жилица попалась смирная „изъ благородныхъ“, одинокая, съ однимъ маленькимъ сыномъ, присутствіе котораго оставалось незамѣтно среди гама собственныхъ домочадцевъ. Въ тѣ часы дня, когда „квартирантка“ занималась обученіемъ собиравшихся къ ней ребятъ-дѣтей, жившихъ по сосѣдству мелкихъ чиновниковъ и торговцевъ, старшіе ребята домохозяина включались въ число учащихся, а мелюзга выпроваживалась на улицу, чтобы не мѣшала, и лишь въ такую погоду, когда добрый хозяинъ собаки не выгонитъ—разсаживалась по угламъ съ строгимъ запретомъ высовываться въ сѣни.—При такихъ мирныхъ отношеніяхъ доживала второй годъ „благородная“ квартирантка въ домикѣ портного.—Въ описываемый моментъ, и этотъ тихій тупичекъ охватила та предпраздничная суета, которая вноситъ столько радостнаго оживленія въ безцвѣтную трудовую жизнь бѣдняка. Былъ канунъ Великаго Праздника—Торжества изъ Торжествъ, и весь православный людъ готовился какъ можно лучше встрѣтить и привѣтствовать Воскресшаго Христа. Горятъ огнями всѣ окна домиковъ: никто не спитъ, какъ бы ни былъ утомленъ—ожиданіе Великаго событія повергаетъ душу въ благоговѣйное бодрствованіе, чтобы въ торжественный моментъ слиться въ единый, со всего христіанскаго міра стремящійся къ небу, возгласъ „Христосъ воскресъ!“ Привѣтнымъ свѣтомъ свѣтятся и два единственныя оконца „чистой половины“ въ домикѣ портного, изъ-за спущенныхъ бѣлыхъ занавѣсокъ. Небольшая комната, раздѣленная темнымъ занавѣсомъ на двѣ, несмотря на, крайнюю скудость обстановки, свидѣтельствуетъ объ интеллигентныхъ вкусахъ и потребностяхъ ея обитательницы.

У маленькаго дѣтскаго столика, покрытаго бѣлоснѣжной скатертью, стоитъ молодая женщина съ умнымъ и симпатичнымъ, хотя и грустнымъ лицомъ, и устанавливаетъ въ красивой симметріи незатѣйливыя пасхальныя принадлежности: кладетъ на стоящее у столика дѣтское креслице новенькое голубое барежевое платьице и маленькія сафьянныя туфельки, а подлѣ ставитъ на полъ небольшую плетеную колясочку, запряженную парою гнѣдыхъ коней.—Вотъ и всѣ приготовленія къ предстоящему празднику хозяйки этой комнаты! Затѣмъ она зажигаетъ лампадку у образа и, прикрывъ горящую на столѣ, лампу темно-зеленымъ плотнымъ абажуромъ, тихо раздвигаетъ занавѣсъ. Тамъ, въ кроваткѣ, покоится, небрежно разметавъ рученки и откинувъ головку, прелестное четырехлѣтнее дитя, бѣлокурые локоны разсыпались по подушкѣ; розовый ротикъ сладко улыбается; нѣжныя щечки пышутъ нѣгой здороваго дѣтскаго сна—дивно хорошъ этотъ ребенокъ! Долго смотритъ на него юная мать, въ умиленіи склонившись надъ его изголовьемъ, и крупная слеза скатывается съ ея рѣсницъ на бѣлый, открытый лобикъ дитяти,—Вдругъ—гулко, величаво раздался мощный ударъ колокола „Ивана Великаго“ и, точно по мановенію волшебнаго жезла, откликнулись всѣ колокола Москвы,—и торжественный величественный гулъ „сорока сороковъ“ церквей неудержимой могучей волной огласилъ воздухъ и полился въ высь къ Престолу Воскресшаго Царя Царей.—Съ первымъ ударомъ великаго колокола, молодая женщина, осѣнивъ крестомъ спящаго младенца и осторожно приложившись губами къ его улыбающимся во снѣ губкамъ, опустилась на колѣни предъ образомъ.—Умолкъ торжественный благовѣстъ, пронеслась по всему христіанскому міру спасительная радостная вѣсть о Восресшемъ; радостно, въ блаженномъ трепетѣ, содрогнулась вся земля, пробудилась и возликовала вся природа, стряхнувъ въ мигъ всѣ покровы сна и смерти, и неизъяснимый благодатный миръ разлился вокругъ, проникъ во все живое... Казалось, Самъ Воскресшій Христосъ невидимо явился „дверемъ затворленнымъ“ и въ этотъ, никому невѣдомый, пріютъ и осѣнилъ Своимъ Божественнымъ благословеніемъ спящаго младенца и молящуюся мать. „Миръ вамъ!“ какъ бы слышится въ тишинѣ ночи Божественный голосъ.—И сошелъ миръ въ скорбящее сердце, и чувствуетъ оно невыразимую отраду; какое-то тихо-радостное ощущеніе примиренія, надежды и счастья проливается въ душу; легко, свѣтло и безмятежно—тихо въ ней...

Вдругъ послышался легкій, какъ-бы боязливый, нерѣшительный стукъ въ дверь. Молодая женщина вздрогнула, прислушивается. Стукъ повторяется еще тише, еще слабѣе. „Кто тамъ?“—Подойди къ двери, спрашиваетъ она. „Оля!“ слышится изъ-за двери тихій голосъ. При звукѣ этого голоса, молодая женщина поблѣднѣла, пошатнулась, прижала руку къ сердцу, какъ бы сдерживая его біеніе, и чутко прислушивается. „Оля“ повторяетъ опять дрожащій шопотъ. Молодая женщина быстро открываетъ дверь и въ глубокомъ волненіи опускается на стулъ, крѣпко сжавъ на груди руки и устремивъ впередъ неподвижный взглядъ. На порогѣ распахнутой двери обрисовывается стройная, высокая фигура молодого человѣка. Поношенная одежда его плохо гармонируетъ съ прекрасной, благородной осанкой его и съ тонкими, правильными чертами его блѣднаго, утомленнаго лица. Густые каштановые волосы непокорными прядями спадаютъ на низко склоненное лицо; большіе карія глаза умоляюще вопросительно устремлены на сидящую неподвижно молодую женщину; въ опущенныхъ рукахъ его—помятая поярковая шляпа; вся поза его полна неувѣренности, мольбы и томительнаго ожиданія. Нѣсколько минутъ тянется эта нѣмая сцена, изображающая лучше словъ глубокую, печальную повѣсть пережитой драмы. Наконецъ молодой человѣкъ повернулъ голову въ сторону спящаго ребенка—и, мгновенно, истомленное лицо его прояснилось, взглядъ вспыхнулъ, внезапная рѣшимость зажглась въ немъ; онъ нервно бросилъ шляпу на полъ, захлопнулъ дверь и въ одно мгновенье очутился у ногъ жены. „Оля, милая, безцѣнная Оля, ангелъ моей жизни, прости меня, прости, умоляю тебя нашимъ сыномъ, молю именемъ Воскресшаго—прости меня“... И полились взаимныя горячія слезы примиренія, тихія примирительныя рѣчи всепрощенія и любви, святые, сладостные обѣты обновленія. Тихо, благоговѣйно, склонились къ изголовью сына вновь сочетавшіеся святымъ союзомъ христіанской любви, забывъ и простивъ другъ другу былыя недоразумѣнія, разъединившія ихъ на томительно-безконечные два года, въ которые онъ, какъ евангельскій блудный сынъ, покинувъ мирный кровъ семьи, скитался бездомный, отчужденный силою страстей отъ всего близкаго сердцу; она же, тяжелымъ неустаннымъ трудомъ, воспитывала сына, изнывая въ тоскѣ разлуки и въ скорби о горячо любимомъ мужѣ, которому ея преданное сердце все простило, все забыло и всегда готово было откликнуться на первый его призывъ. И вотъ—въ эту великую, святую ночь любви и примиренія—раздался его зовъ, его жалобный призывъ и вся душа ея отозвалась на него. Она не забыта, она вновь любима, и никакія силы теперь ихъ не разъединятъ. Самъ Воскресшій Христосъ ихъ вновь соединилъ для обновленной, свѣтлой жизни.—„Клянусь, Ольга, именемъ нашего сына и моимъ, нашимъ маленькимъ Викторомъ,—я начну съ тобою новую хорошую, честную жизнь и ты будешь счастлива—вѣрь этому. Я побѣдилъ себя, я сознаю въ себѣ обновленныя силы, обновленную душу. Довѣрься мнѣ отнынѣ безъ боязни, и да поможетъ намъ Христосъ!...“

Широко раскрытые, прелестные голубые глазки ребенка удивленно и вмѣстѣ радостно

смотрѣли на склоненныхъ надъ нимъ мать и отца: видъ незнакомаго ему лица не испугалъ его: присутствіе мамы ограждало отъ всякаго страха.—„Сынъ мой, дорогое дитя мое!“—и счастливый отецъ трепетно, осторожно заключилъ ребенка въ свои объятья. —„Это папа, папа твой“, обнимая мужа и сына, говорила, сіяющая радостью и счастьемъ, мать. Ребенокъ потянулся губками къ матери, а потомъ тутъ-же и къ отцу и охватилъ его шею рученкой.—„Это Боженька привелъ папу къ намъ“—продолжала молодая женщина въ глубокомъ умиленіи.

Обаяніе ощущенія этого „Царствія Христова“ разлилось вокругъ, а въ умиленныя сердца примиренной семьи радостнымъ трепетомъ проникъ благодатный голосъ Воскресшаго: „Миръ вамъ!...“

Сфинксъ.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на нижеслѣдующее воззваніе Общ. „Краснаго Креста“, при чемъ считаемъ необходимымъ напомнить, что и въ нашей губерніи есть нѣсколько мѣстностей, терпящихъ бѣдствіе по случаю неурожая минувшаго года, помощь имъ также необходима, и можетъ быть направлена въ организованный губернскій комитетъ по сбору пожертвованій для населенія пострадавшихъ мѣстностей въ губерніи.

„Въ истекшемъ году въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи оказался недородъ хлѣбовъ и травъ, который значительно коснулся воронежской, калужской, курской, орловской, рязанской, ставропольской, тамбовской и тульской губерній. Степень нужды населенія, пострадавшаго отъ недорода съ особенной силой выражается нынѣ, когда имѣвшіеся запасы пришли къ концу, такъ что до новаго урожая представляется настоятельная необходимость въ оказаніи помощи наиболѣе нуждающимся, въ особенности же тѣмъ, которые не имѣютъ права на продовольственную ссуду отъ земства и сельскихъ обществъ. До настоящаго времени въ общество „Краснаго Креста“ поступали отъ отдѣльныхъ земскихъ учрежденій, должностныхъ и частныхъ лицъ заявленія и просьбы объ оказаніи помоши пострадавшимъ, и „Красный Крестъ“ выступалъ съ посильной помощью. Нынѣ, согласно постановленію своему и предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, главное управленіе общества приняло на себя организацію помощи во всѣхъ поименованныхъ губерніяхъ. Своевременная скорая п мощь крайне необходима“.

„Сдѣлавъ распоряженіе объ открытіи во всѣхъ учрежденіяхъ „Краснаго Креста“ въ Имперіи сбора пожертвованій для сказанной цѣли и поручивъ управленіямъ и комитетамъ своимъ въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, приступить къ немедленной организаціи помощи, общество „Краснаго Креста“ приглашаетъ всѣхъ сочувствующихъ этому дѣлу внести свою лепту“.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

АРЗАМАСЪ.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Весна даетъ себя чувствовать. Потоки грязной воды шумятъ, бѣгутъ и переполняютъ наши пресловутые пруды, изъ которыхъ черпаетъ питьевую воду арзамасская бѣднота. Боже! что это за вода!... Трудно вообразить, что-либо отвратительнѣе этой навозной жижи, которою отравляются обывательскіе желудки. Водопроводный вопросъ назойливо стучится къ намъ во всѣ двери, но „большеульцы“ все еще мечтаютъ о томъ, какъ-бы похоронить безпокойный вопросъ. Понемногу улучшается наша общественная библіотека. Недавно она пополнилась новымъ запасомъ книгъ, рублей на 300. Число пользующихся библіотекой значительно увеличилось въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ.

Клубный инцидентъ съ поцѣлуемъ, такъ ярко иллюстрирующій наши нравы, какъ-то заглохъ и стушевался. Картежная игра процвѣтаетъ попрежнему. Вотъ по части чтенія плоховато и не мѣшало-бы нашему клубскому общественному собранію удѣлить на этотъ предметъ сумму побольше, чѣмъ та, которая теперь ассигнуется на выписку газетъ и журналовъ.

Дороги начинаютъ портиться, но въ лѣсныхъ мѣстахъ санный путь еще крѣпкій. Гужевое движеніе очень значительно, такъ какъ обозники стараются воспользоваться послѣднимъ путемъ передъ весенней распутицей. Поговариваютъ у насъ усиленно относительно желѣзной дороги. Дай Богъ, чтобы эти слухи не остались только слухами, которыми мы питаемся который уже годъ. Авось, хоть первый свистокъ локомотива стряхнетъ съ насъ мертвящую спячку и среди мертваго города, гипнотизированнаго „большеульскими“ степенствами, забьется хоть слабый пульсъ общественной жизни. Конечно, и желѣзная дорога не вызоветъ прежней бойкой дѣятельности въ отжившемъ городѣ, но и то хорошо, что рельсовый путь выведетъ насъ изъ летаргіи, неподвижности, инертности. Да, Арзамасъ отшумѣлъ въ свое время и это кипучее время уже не вернется....

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ, лукояновскаго уѣзда.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Дѣло постройки церкви въ нашей деревнѣ, благодаря скудости населенія, подвигается довольно медленно. Въ ноябрѣ 1896 г. было освящено мѣсто для церкви, а теперь начинается подвозъ матеріаловъ для постройки. Неурожай прошлаго года много способствовалъ этому замедленію. Земля здѣсь почти голый песокъ, промысловъ никакихъ и жители занимаются однимъ земледѣліемъ.

— Тощой народъ.... Не уродилось ни хлѣба, ни травы.... Давно хлѣбъ покупаетъ народъ,— слышишь обыкновенно въ отвѣтъ на вопросъ о экономическомъ благосостояніи населенія.

Постройка храма у насъ вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что деревня все-же большая, а ближайшій приходъ далеко, верстъ за пять. Надо надѣяться, что найдутся добрые люди и помогутъ выполнить благое дѣло построенія храма. Въ нашей земской школѣ теперь учительница, какъ и во всѣхъ близкихъ къ Лукоянову школахъ. Раньше былъ учитель Ф., который оставилъ добрую память по себѣ въ новодеревенцахъ. Онъ создалъ хоръ и обучалъ церковному пѣнію. Кстати, объ этомъ учителѣ приведу маленькій разсказъ, характеризующій отношеніе лукояновцевъ къ дѣятелямъ начальной школы. Про этого учителя въ Лукояновѣ сложили сплетню, будто онъ чуть-ли не корчемствомъ промышляетъ. Дѣло было такъ. Во время ярмарки этотъ учитель, какъ и другіе лукояновскіе учителя, уѣзжалъ обыкновенно въ Нижній на заработки, пристраивался къ какому-либо дѣлу. Одинъ изъ сосѣднихъ обывателей, приготовляясь къ свадьбѣ дочери, попросилъ учителя привезти ему изъ Нижняго ведро краснаго вина. Тотъ исполнилъ просьбу, но обыватель успѣлъ свадьбу сыграть и, не нуждаясь больше въ винѣ, посовѣтовалъ учителю перепродать вино, другому своему знакомому. Тотъ такъ и сдѣлалъ. Но въ Лукояновѣ сейчасъ-же создали сплетню, яко-бы учитель торгуетъ виномъ. Курьезнѣе всего то, что эта сплетня дебатировалась и въ училищномъ совѣтѣ, какъ нѣчто правдоподобное. Судите послѣ этого, какъ легко живется у насъ учителямъ начальныхъ училищъ! Про другую учительницу тоже нѣсколько лѣтъ тому назадъ пущена была сплетня, что она чуть-ли безбандерольными папиросами не торгуетъ, благодаря тому обстоятельству, что нѣкоторые изъ лукояновскихъ обывателей подмѣтили, что она набиваетъ кому-то папиросы (набивала она для родственника), а сама не куритъ....

ВОЛЖСКІЯ ВѢСТИ.

Недавно близъ Нижняго-Новгорода, на Телячьемъ перекатѣ въ воложкѣ, гдѣ построены дамбы, заграждающія ходъ въ воложку, Н. В. Рюминымъ, по порученію округа путей сообщенія, произведенъ взрывъ двухъ баржей, затопленныхъ лѣтъ 30 тому назадъ съ цѣлью выправленія кореннаго русла р. Волги. Баржи эти были занесены пескомъ на днѣ рѣки, но затѣмъ песокъ стало смывать, такъ что нахожденіе ихъ вблизи вновь сооруженныхъ дамбъ признано было неудобнымъ.

Баржи взорваны съ помощью пороха, котораго употреблено на заряды болѣе 20 пудовъ. Взрывы вполнѣ удались.

— Въ предстоящую навигацію 1898 г. общество А. А. Зевеке, не вошедшее въ конвенцію съ другими акціонерными пароходными обществами, установляетъ льготный проѣздъ на своихъ пароходахъ отъ Рыбинска до Астрахани, для учащихся и учащихъ. Студенты и всѣ вообще воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній, при предоставленіи надлежащихъ удостовѣреній, будутъ пользоваться скидкой при проѣздѣ во II и III классахъ, въ размѣрѣ 50% съ обыкновенной таксы. Преподаватели среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также воспитатели получатъ скидку при проѣздѣ въ тѣхъ-же классахъ 10% съ таксы.

Общество будетъ имѣть между Н.-Новгородомъ и Астраханью двѣ линіи—легкую и товаро-пассажирскую. Въ первую войдутъ новые пароходы, построенные въ 1897 г. въ Сормовѣ—„Великій князь Алексѣй“, „Великій князь Кириллъ“, „Петръ Чайковскій“ и „Христофоръ Колумбъ“, а также старые пароходы, заново передѣланные „Ориноко“, „Ніагара“ и „Миссури“. Вторая линія будетъ состоять изъ пароходовъ—„Миссисипи“, „В. К. Марія“, „Онтаріо“, „Россія“ и „Новинокъ“, перешедшихъ къ А. А. Зевеке отъ общества „Дружина“. Число отправленій будетъ 6 въ недѣлю.

— Навигація въ Астрахани оффиціально считается открытой съ 23-го марта.

Первыя парусныя шхуны, вышедшія съ грузомъ мазута изъ Баку въ Астрахань, на рейдѣ встрѣтили сплошныя массы льда и должны были вернуться въ Петровскій портъ.

— Легкое пассажирское пароходство, такъ называемое—„Купеческое“, работающее между Казанью и Саратовымъ, намѣрено съ

1898 г. продолжить линію до Царицына. Въ составѣ пароходства произошли нѣкоторыя измѣненія. Двое учредителей и компаніоновъ пароходства—Польскій и Шебенинъ вышли изъ пароходства, продавъ свои пароходы Рѣпину, Михайлову и Крылову. Для этого пароходства заказанъ новый пароходъ американскаго типа, на заводѣ Любимова въ Перми. Улучшатся-ли отъ этого порядки пароходства, сказать, конечно, трудно.

— Самарская дума на-дняхъ постановила устроить электрическое освѣщеніе и бойни, на что испроситъ разрѣшеніе выпустить облигацій на 350,000 руб.

— Существующій въ г. Саратовѣ водопроводъ городскимъ управленіемъ выкупленъ изъ частной эксплоатаціи за 600,000 руб. На выкупъ и расширеніе водопровода городу разрѣшенъ облигаціонный заемъ въ 1 мил. руб.

— Поволжскимъ биржевымъ комитетамъ съ предстоящей навигаціи будетъ предоставлено право собирать всѣ необходимыя по судоходству свѣдѣнія, какія до сихъ поръ собирались путейскимъ вѣдомствомъ и сообщались судовладѣльцамъ и пароходнымъ конторамъ краткими телеграммами. На основаніи этихъ, собираемыхъ вполнѣ самостоятельно, свѣдѣній,—говоритъ „Волжск. Вѣст.“,—биржевые комитеты будутъ составлять обширные бюллетени, которые съ ихъ заключеніями о тѣхъ или иныхъ необходимыхъ мѣропріятіяхъ и должны представляться какъ центральнымъ, такъ и мѣстнымъ органамъ министерства путей сообщенія. Собираніе биржевыми комитетами волжскихъ вѣстей объ аваріяхъ и другихъ судоходныхъ происшествіяхъ не исключаетъ, однако, продолженія изданія казанскимъ округомъ путей сообщенія тѣхъ „бюллетеней“, которые это учрежденіе издаетъ съ прошлаго года.

— „Саратов. Днев.“ сообщаетъ, что въ теченіи предстоящей навигаціи на Волгѣ появится нѣсколько быстроходныхъ пароходовъ, предназначаемыхъ исключительно для перевозки пассажировъ. Какъ передаютъ газеты, быстроходность будетъ достигнута путемъ примѣненія при постройкѣ судовыхъ корпусовъ никелевой стали и аллюминіевыхъ сплавовъ, которые сдѣлаютъ суда значительно болѣе легкими и уменьшатъ ихъ осадку, что представляетъ существенную важность при безчисленныхъ волжскихъ перекатахъ.

ТЕЛЕГРАММЫ

Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Петербургъ, 2 апрѣля. Государыня Александра Өеодоровна первый разъ послѣ болѣзни выѣхала изъ Зимняго дворца. Государь и Государыня Александра Өеодоровна посѣтили Петропавловскій соборъ, гдѣ молились у гробницы Императора Александра III.

Петербургъ, 3 апрѣля. Государь соизволилъ назначить епископа гурійско-мингрельскаго Григорія членомъ московской синодальной конторы съ увольненіемъ отъ завѣдыванія епархіальными дѣлами; о перемѣщеніи преосвященнаго Александра, епископа гурійскаго на гурійско-мингрельскую архіерейскую каѳедру и о бытіи настоятелю Іоанна Крестительской пустыни грузинской епархіи архимандриту Леониду епископомъ гурійскимъ.

Состоялось опредѣленіе Святѣйшаго Синода о недозволеніи на будущее время при устройствѣ зрѣлищъ показывать путемъ такъ называемой живой фотографіи священныя изображенія Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы и угодниковъ Божіихъ.

Москва, 5-го апрѣля. Отправленный изъ Москвы въ Саратовъ пассажирскій поѣздъ № 6 потерпѣлъ крушеніе на станціи Люберцы казанской желѣзной дороги. Вслѣдствіе порчи паровоза вспомогательный паровозъ ударился въ хвостъ поѣзда № 6. Восемь вагоновъ повреждены, восемь пассажировъ ранены, пять пассажировъ получили ушибы.

Рязань, 5 апрѣля. Ока вскрылась. Начало навигаціи ожидается черезъ недѣлю.

Рыбинскъ, 5 апрѣля. Высота воды 8 арш. 3 вершка выше межени, начинается убыль; морозъ задерживаетъ ледоходъ; пѣшеходное сообщеніе по льду возобновилось.

Берлинъ, 3 апрѣля. „Національная Газета“ пишетъ по поводу извѣстія „Манчестерскаго Курьера“ объ установившемся будто бы въ послѣдніе дни соглашеніи между Англіей и Германіей по восточно-азіатскимъ вопросамъ, что извѣстіе это характеризуется заключительнымъ замѣчаніемъ газеты: „кто не знаетъ, что императоръ Вильгельмъ не съ удовольствіемъ взглянулъ на недавнія дѣйствія Россіи въ Манчжуріи?“ Для возраженія противъ этого достаточно указать, что руководящія лица Германіи давно уже, особенно съ окончанія китайско-японской войны, смотрятъ на Манчжурію какъ на естественную область русскаго вліянія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ССУДНАЯ КАССА Л. Н. ТРИФОНОВОЙ

симъ извѣщаетъ, что въ *воскресенье, 26-го апрѣля* 1898 г., въ 10 часовъ утра, имѣетъ быть аукціонная продажа просроченныхъ залоговъ, заложенныхъ въ *сентябрѣ* мѣсяцѣ 1897 года и ранѣе. №№ продающихся залоговъ (свыше 20 рублей), слѣдующіе: 11529, 10069, 14950, 15041, 659, 1227, 2573, 3615, 4181, 7687, 8740, 10428, 11076, 11279, 12634, 12635, 13174, 13284, 13740, 14767, 16101, 16403, 17168, 17223, 17250, 17485, 17823, 18105, 18196, 18300, 18397, 18409, 18411, 18414, 18595, 18673, 16, 47, 143, 185, 290, 363, 489, 525, 562, 640, 789, 822, 867, 933, 982, 1005, 1120, 1121, 1134, 1160, 1161, 1226, 1259, 1262, 1306, 1317, 1326, 1329, 1341, 1346, 1347, 1352, 1365, 1370, 1381, 1382, 1420, 1422, 1424, 1504, 1534 и покорнѣйше проситъ г.г. залогодателей, какъ вышеприведенныхъ, такъ равно и всѣхъ ссудъ (ниже 20 руб.), заложенныхъ въ *сентябрѣ* мѣсяцѣ 1897 г. и ранѣе, внести %% и возобновить свои билеты.

Л. Н. Трифонова.

НИЖЕГОРОДСКАЯ

ГОРОДСКАЯ УПРАВА

ОБЪЯВЛЯЕТЪ,

что по произведенному 1-го апрѣля 1898 года третьему тиражу облигацій 5% займа г. Нижняго-Новгорода 1895 года въ 650,000 руб. нарицательныхъ **вышли въ погашеніе** слѣдующіе номера этихъ облигацій:

1000 рубл. достоинства:
65, 76.

500 рубл. достоинства:
42, 99, 145, 146, 165.

100 рубл. достоинства:
431, 543, 871, 991, 1102, 1131, 1182, 1381, 1784, 1845, 1926, 1987, 2045, 2271, 2354, 2395, 2416, 2631, 2688, 2869, 3051, 3100, 3136, 3268, 3784, 3826.

Уплата по вышедшимъ въ тиражъ облигаціямъ нарицательной ихъ стоимости будетъ производиться: **въ кассѣ Городской Управы, въ Московскомъ Купеческомъ банкѣ и въ Петербургской конторѣ этого банка,** по предъявленіи облигацій, черезъ три мѣсяца послѣ тиража, т. е. начиная съ 1-го іюля **1898** года, при соблюденіи 9 и 10 пунктовъ напечатанныхъ на облигаціяхъ условій выпуска займа.

Непредъявленныя къ оплатѣ облигаціи:

по первому тиражу, 1-го апрѣля 1896 года.

100 рубл. достоинства:
159.

по второму тиражу, 1-го апрѣля 1897 года:

100 рубл. достоинства:
653, 3068, 3365, 3384 и 3907.

Примѣчаніе. При семъ №-рѣ прилагается списокъ лицамъ, сдѣлавшимъ пожертвованія взамѣнъ визитовъ въ праздникъ СВЯТОЙ ПАСХИ 1898 года.

Дозволено цензурою. Нижегородская губернская типографія. Редакторъ Г. П. Демьяновъ.